

Недавно закончился VIII съезд писателей СССР. Откровенно и остро говорилось на нем о многих проблемах времени, о настоящем и будущем нашей литературы. Среди его делегатов был известный поэт, лауреат Государственной премии РСФСР Николай Доризо. О чем размышляет, какие вопросы ставит перед собой и жизнью литератор сегодня — это всегда интересно и важно знать его читателям.

Н. К. Доризо работает в разных жанрах. Стихи и поэмы. Поэтические миниатюры — то философские, то иронические, юмористические. Песни: «Огней так много золотых», «Давно не бывал я в Донбассе» — их любит, поет уже не одно поколение. Статьи — своеобразные исследования-эссе: о Наташи Николаевне Пушкиной («Жена поэта»), о Софье Фамусовой. Сейчас начата работа над эссе об... Алексее Каренине. Есть желание продолжать опыты в прозе. Наконец, близкие знают Доризо как остроумного, артистичного исполнителя устных рассказов.

Итак, с одной стороны — многообразие самопроявления, с другой — страсти к одним и тем же темам, вопросам. К ним и возвращаясь, так или иначе, наша беседа.

культура, интеллигентность человека не столько в том, чтобы бесконечно и в большом количестве поглощать новые книги, но и в умении перечитывать старые, и в отношении к нашим классикам, к тому, что, казалось бы, давно известно.

— Подлинная культура, интеллигентность... Часто употребляем мы эти понятия. К ним призываем, об их сохранении заботимся, об их отсутствии сокрушаемся. А что стоит за ними? Образованность, эрудиция, всезнайство? И бывает ли культура, так сказать, врожденной или прививается человеку, воспитывается в нем?

— Вопросы культуры сейчас, может быть, как никогда ранее, в центре внимания. Об «экологии культуры» горячо

мую высокооплачиваемую. И что же? Подавляющее большинство из них, как выяснилось, не знает литературы, а значит, и не любит ее. Выпускники средних школ едва смогли назвать десяток имен классиков и современных писателей и поэтов, не имея толком представления ни об одном из них, даже не прочитав их произведений. И это будущие филологи, педагоги, вот что ужасно.

Возможно, это покажется наивным, но я бы предложил раннюю профориентацию не только для детей, обнаруживших склонность к творческой деятельности, но шире — для тех, кто увлечен историей, литературой, философией. Есть же у нас спецшколы с различными уклонами, есть музыкальные, хореографические школы. Почему бы не открыть своего рода лицей для детей, рано обнаруживших склонность

зывает готовые стереотипы, схемы их восприятия и понимания. А предложивший что-то свое, нетрадиционное рискует подчас «не сдать» предмет.

Пусть учитель литературы сам строит курс. Если он любит, скажем, более других поэтов Есенина, пусть начнет с чтения его стихов, заразит этой своей любовью, увлеченностью, и тогда, уверен, в классе не будет равнодушных. И пусть даст ученику самому разобраться в произведении искусства. Заразить на всю жизнь ребенка «духовной жаждой», научить мыслить самостоятельно — вот миссия учителя литературы, да и вообще учителя: дело здесь не только в предмете, дело в обаянии, в силе воздействия личности педагога.

— Но, видимо, испытать эту силу воздействия личности старшего ребенка должен еще раньше — в собственной семье...

— Человек «начинается» очень рано: совсем еще маленьким ребенком — уже личность. Понять ее, помочь ей раскрыться, найти себя — конечно, это первейшая задача родителей. Часто встречающееся сегодня неблагополучие в семье, распадающиеся браки, когда для ребенка исчезает уникальный мир детства, где есть его мама и папа, бабушка и дедушка, — все это калечит и обкрадывает маленького человека.

— А какую роль сыграли семья, родители в вашей жизни?

— Я вырос в интеллигентной семье: мама — музыкант, отец — адвокат. Одна из моих книг посвящена матери. Ей и отцу я благодарен всю жизнь. Отец был для меня первым и самым большим другом, авторитетом. От него передалась мне фанатическая страсть к книгам, к чтению. Если же говорить о главном, что осталось со мной с детства, — это воспитанное во мне стремление быть самим собой. И всегда говорить правду. Что, в принципе, одно и то же: говорить правду — это и значит быть самим собой...

— В своих размышлениях о подлинной культуре вы затронули еще одну важную проблему: с одной стороны, массовость культуры распространяется порой в ущерб ее качеству, с другой — теряются связи ее с народной, национальной традицией. Но ведь интеллигентность, глубокая внутренняя культура — это исконные черты народа.

— Знаете, я много езжу по стране, общаюсь с теми, кого принято почему-то называть «простыми людьми». И именно среди них я встречал истинно культурных людей, хотя и порой с несколькими классами образования. Удивлялся их мудрости, чистоте, восприимчивости к настоящему в искусстве. Чаще всего я бываю на родной Кубани (я родился в Краснодарском крае), у рыбаков. Какие это удивительные собеседники, умницы, философы! Откуда в них эта самобытность, пылкость, глубина — все то, что для меня и называется интеллигентностью? Ведь и газет-то они не имеют возможности почитать месяцы. Зато в них жива доброта, культура и мудрость народная, все то, что складывалось веками и каким-то непостижимым образом передается и по сей день из поколения в поколение.

Культура по сути — не городская, «интеллигентская», она — народная. Она сильна национальным началом, народными истоками, питающими и творчество писателей, поэтов. Почему так самобытно-талантливо, к примеру, творчество Расула Гамзатова, Чингиза Айтматова, Мустая Карима? Они воспитаны мудростью земли своей, своего народа, и каждая их строчка рождена и пропитана ею. И это, национальное, делает их произведения интернациональными, потому что представления о ценностях бытия у всех народов в конечном итоге едины.

— Мы говорили о культуре, литературе в целом. А какое место вы отводите сегодня поэзии — в формировании человека, в процессе отражения нашего времени? Немало пишется о падении интереса к поэзии, на полках книжных магазинов пылятся многочисленные сборники стихов...

— Весь вопрос: к какой поэзии? Интерес к поэзии истинной не иссякнет никогда. Другое дело, что появилось много стихов, написанных равнодушными людьми, стихов бездумных, бесчувственных, хотя и «сделанных» вполне профессионально. Сегодня не так много поэтов, необходимых людям.

Мы все живем сейчас в особом напряженном ритме. Задуманы большие дела. И такое время не может не сказаться на состоянии литературы, поэзии, недаром взлеты ее всегда совпадали с переломными периодами в истории. Одно могу сказать: писать стало труднее, но поэзия и вообще талантливое, острое слово, как никогда, нужны людям. Повсюду, во всех сферах, требуются люди неравнодушные, смелые. То, что задумано, мы обязаны выполнить, чтобы люди верили: все, что решается в нашей стране, обязательно осуществится. Это очень важный психологический момент для духовного состояния общества, для подрастающих поколений.

Главное — преодолеть инерцию равнодушия. И способствовать этому всеми силами должны, обязаны литераторы.

Беседу вела М. ИВАНОВА.

Н. ДОРИЗО:

ТРЕБУЮТСЯ НЕРАВНОДУШНЫЕ!

— Николай Константинович, известна ваша приверженность пушкинской теме, Пушкину. О нем — ваши стихи, пьесы, статьи, теперь вот сдана в набор книга «России первая любовь». Но ведь любовью к Пушкину никого не удивишь. Сказать что-то новое, свое о великом поэте и его творчестве сложно. И все-таки, что для вас значит Пушкин?

— Вот о чем я думаю сегодня: в 1999 году мы, да и весь мир, будем отмечать 200-летие Пушкина. Получается, что все мы входим с Пушкиным в третье тысячелетие, в XXI век. Как это знаменательно! Пушкин — это вершина, с которой проверяется наша история, искусство, наш сегодняшний день, мы сами.

Я всю жизнь — приверженец Пушкина. Но, чем дальше, тем больше мне кажется, что при всей своей хрестоматийности, всеисследованности он, по существу, непрочитанный, неразгаданный поэт. Думаю, что многим, в том числе и профессиональным литераторам, критикам не хватает умения быть просто читателями — страстными, заинтересованными, влюбленными. То и дело слышишь: вот Пушкин писал, учитесь у Пушкина... А может оказаться, что и сам-то этот человек Пушкина не знает, попросту даже и не прочел его всего.

Пушкина, вообще наших классиков, читаешь всю жизнь и постоянно открываешь для себя что-то новое. Скажете, это банально, но я бы призвал: читайте и перечитывайте Пушкина! И это поможет вам ответить на многие вопросы, познать себя и мир. Изумительный лаконизм пушкинской прозы... Гениальная емкость его до сих пор не раскрытых театром «Маленьких трагедий»! В каждой сцене — истинно шекспировский размах, но я смею утверждать, что, может быть, Шекспир больше драматург, нежели Пушкин, но Пушкин более поэт, и именно в этом, в выразительнейшем поэтическом языке, его величие как драматурга.

Читайте Пушкина! Ведь подлинная

говорили на писательском съезде академик Д. Лихачев, В. Белоз, Ю. Друнина, и это очень верно! Я бы осмелился сказать сегодня о девальвации культуры и интеллигентности. Разрушение, забвение памятников старины. Недостаточный, в особенности у нашей молодежи, интерес к истории, к национальным корням — к родному языку, фольклору, песням. Наконец, отсутствие у многих людей внутренней культуры — культуры общения, поведения, интересов, чувств. Все это явление одного порядка, явления горькие, недопустимые.

В чем здесь причина? Наше время — время всеобщей грамотности, массовости образования, доступности всех средств информации и культуры, и это небывалые достижения. Но думаю, однако, что это «количество», так сказать, культуры многократно возросло сегодня над ее «качеством». Качеством знаний — они должны стать для человека не просто багажом, пусть даже и внушительным, но проникнуть в глубь его натуры, претвориться в его убеждения, в мировоззрение.

Культура — понятие более широкое, чем, скажем, цивилизация. Это весь объем духовной жизни, весь духовный опыт человечества и человека, а не одни только знания. Прав был древний философ, говоривший, что многознание еще не мудрость. Культура человека — это и способность чувствовать, сочувствовать, это и умение любить — женщину, мать, Родину, это нравственность...

— Вы говорите об издержках массовости... Массового «производства» и потребления культуры, «производства» гуманистических. Не отсюда ли и падение престижа, в хорошем смысле этого слова, гуманитарных профессий? Звания учителя, звания ученого...

— В одном журнале недавно прочел: проводилось обследование поступающих в вуз на филологический факультет. Казалось бы, молодые люди сознательно выбрали профессию, причем далеко не са-

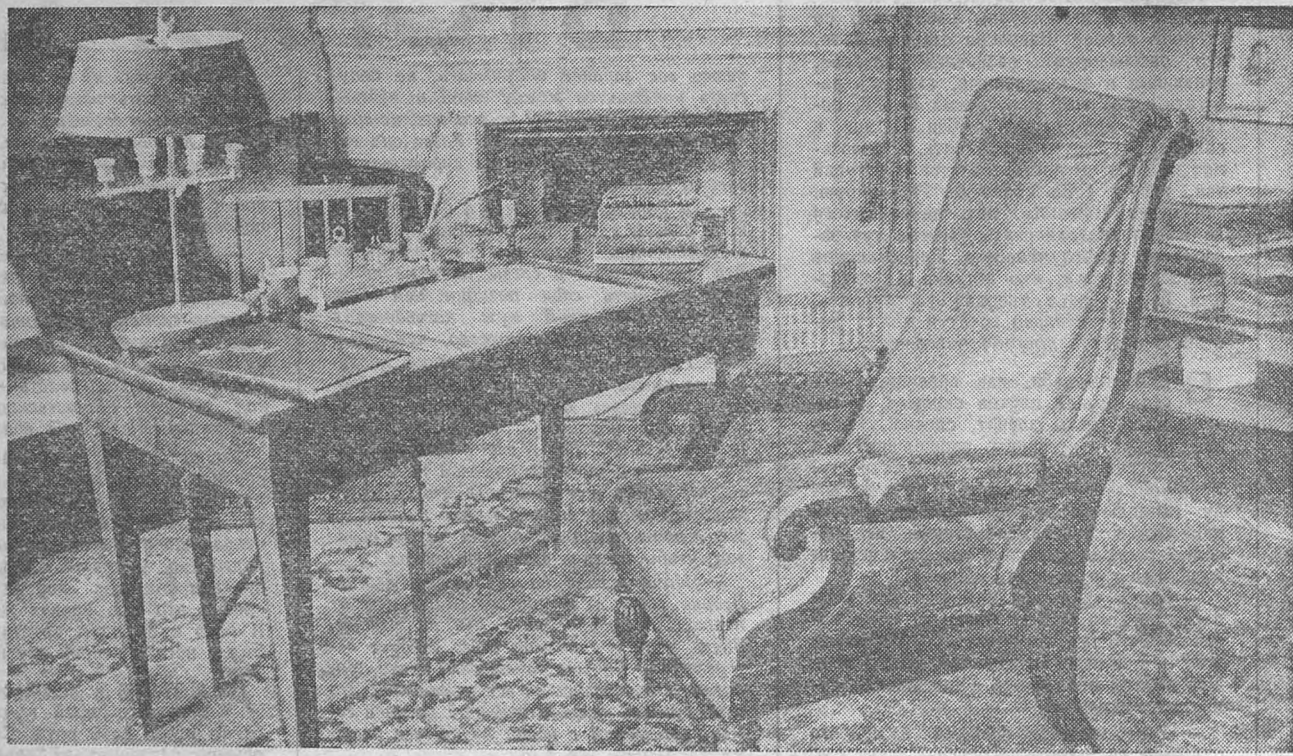
к гуманитарным наукам? Программа — фундаментальные курсы этих предметов, языков. И — чтение, чтение, чтение! Английских авторов, классиков, русских и зарубежных, современной литературы, трудов по истории искусства и так далее. Естественные же, точные науки преподавать в виде обзорных курсов. Пусть получают лишь самое общее представление о технике, природе, науке — без этого ведь тоже не может быть подлинно культурного человека. Так мы могли бы воспитывать истинных профессионалов-гуманитариев, по-настоящему влюбленных в свое дело.

И во всеобщем среднем образовании принимать значение истории, литературы, философии ни в коем случае нельзя. Как могло случиться, что теперь, после принятой школьной реформы, количество часов, отведенных на курс литературы в средней школе, вновь уменьшается? Электроника, компьютеры — это, конечно, необходимо в наш век, но техникой должны управлять высококультурные люди, иначе это может обернуться трагедией...

Огромная роль в воспитании культурного человека отведена школе. И наверняка найдут отклик призыв прийти ей на помощь, прозвучавший на писательском съезде: призыв к писателям, поэтам самим идти в классы, нести детям любовь к литературе, увлекать их. Скажу, что сам бы я охотно поговорил с ребятами о Пушкине, Грибоедове...

Детей надо прежде всего учить любить и чувствовать литературу, прививать им вкус к чтению, то есть к соавторству, ведь произведение искусства всегда рассчитано на соавторство читателя. И надо пробуждать в человеке этот талант читателя, а значит, и восприимчивость к прекрасному, к добру.

И еще одно. Школа, к великому сожалению, порой отучает любить литературу. Она не вырабатывает у детей самостоятельного мышления, собственного взгляда на произведения, героев. Напротив, навя-

Михайловское. Рабочий кабинет А. С. Пушкина.

Фото К. Конкина.